

«Маленький был посёлок Коммунар»

Познакомиться с Николаем Ивановичем Кругловым хотел давно. Читал его воспоминания о посёлке, появились вопросы, хотелось увидеться и поговорить с автором. Но оказалось, что сейчас Николай Иванович живёт в Петербурге и в Коммунаре бывает не часто. Не знаю, толи кто-то наверху решил, что нам надо встретиться, толи просто повезло, но однажды увидел Николая Ивановича у Дома Культуры. Было видно, что он кого-то ждёт, но упустить возможность познакомиться с человеком здесь и сейчас, я не мог.

На мою просьбу рассказать о Коммунаре 1950-х годов, поделиться воспоминаниями о наших земляках тех лет, Николай Иванович откликнулся с удовольствием.

Наша первая небольшая экскурсия в прошлое началась в Клубном переулке: «Вот на месте этих новых высоток стояли два двухэтажных дома», — начал свой рассказ о прошлом нашего дома Николай Иванович — «За домами огороды, сараи. Жили здесь Толя Хромов, Валерка Гаврилов, Юля Буданова. Сашка Иванов с братом, Сидоровы, Воля Белова с мамой и дочкой. Пройдут года, в посёлке откроют новую школу, и Воля будет работать директором этой школы. Квартиры вот в этих кирпичных двухэтажных, только что построенных в те годы домах, давали передовикам производства.

Напротив клуба тоже стоял деревянный дом. Там жил Юрий Спиридонович Лохмотов, наш тренер. Футбол, баскетбол, лыжи и городки, бокс. Все эти секции работали, благодаря его заботам. Здесь же жили Воронцовы, Виктор Петров. А дядя Лёша Петров организовал в клубе духовой оркестр. Палочки дирижёрской не было, брал ножку от стула и «до.. ре.. ми..» начиналась репетиция. Если праздник, то играет духовой оркестр. И в последнюю дорогу земляков тоже провожал наш оркестр. Работали в клубе и музыкальные кружки. Гармошка, баян. Со стороны сквера был ещё один вход в клуб, это был вход на занятия для танцоров, спортсменов. Был в клубе хор, занимались в нём коммунаровцы

разного возраста. Иванова Зоя, Царюк Надя, Горина Анна, Яковлева Валя, в которую я влюбился.

Я счастлив, что эта любовь оказалась взаимной, и связала нас на всю жизнь. Помню, как впервые увидел Валу. Она шла по обочине дороги в розовой кофточке, чёрная юбка в складку. Белые носочки и туфельки красивые. А я ехал на телеге с сеном и подумал: «вот эта девочка и будет моей женой». Жила Валя с мамой в двухэтажном каменном доме на улице Гатчинской. Отец Вали, Яковлев Евграф Александрович погиб в 1941 г.

Ходили девчата стайками. Валя Яковлева, Шевчук Валя, Сергачёва Рита, Гришина Галя и я, как пастух, кручусь рядом, не знаю, как подойти и привлечь внимание любимой. Бросил в открытое окно валенок, а в нём оказалась лягушка. Разбил мячом окно в её классе. Затолкал дежурных по её классу за печку, сорвав проверку чистоты в классе. А уж что только не делал, чтобы обратить на себя внимание любимой вне школы. Летом на пляже мочил одежду, завязывал узлом и посыпали песком. Попробуй, развяжи! Выкручивал ниппеля на колёсах велосипеда, выпуская из них воздух. А сколько радости было, когда мы оказывались рядом. Сидели в кино или гуляли по посёлку, где в определённых местах мной заранее были спрятаны цветы. Сирень, жасмин, флоксы. Да и первые в посёлке гладиолусы подарил своей любимой я. Вырастила их у себя на огороде Махнюк Тамара Васильевна. Она преподавала в школе биологию. Срезали мы их ночью с Витькой Степановым. Брюки клёш я тогда порвал, зацепившись за противотанковый надолб, который стоял у огородов на Техническом переулке.

Новый, 1955 год встречали в клубе. Я так и просидел весь праздник у ёлки, глядя, как веселятся другие. Мама дала мне отцову белую рубашку, в которой он женился в 1932 г. Старые туфли как смог, начистил, пиджака у меня не было.

Художественный и танцевальный кружки находились в детском секторе, в доме на берегу реки. За клубом был небольшой скверик. Здесь играли в волейбол, занимались ребята на турнике.

По вечерам не пустовала танцплощадка. До 23.00 танцевали под радиолу, а после уже под гармошку. Собирались вокруг площадки и взрослые, и дети. Слушали музыку, обсуждали, кто с кем танцует, кто кого ревнует. Все были на виду, все жили одной большой семьёй. Гуляли допоздна, но утром обязательно взрослые шли на работу.

Зимой, когда ещё не был установлен фонтан-чаша, за клубом заливали каток. Ключки мы делали из корней деревьев. Коньки «снегурочки» к валенкам крепили верёвками. Да и не у всех были коньки. Делились, и катались на одном коньке. Из

проводами делали крючки, цеплялись за борт проходящей машины и ехали. Особым удовольствием для мальчишек было прокатиться на коньках по тонкому льду на пруду. Лёд трещит, прогибается. Если искупался, бегом в клуб, там в подвале можно было просушиться у труб отопления. Противотанковый ров заносило зимой снегом, пацаны копали в снегу лазы, заманивали туда девчонок. А сами прыгали сверху, обваливая снег на девчат.

Но не часто удавалось погулять и побездельничать. Жили тяжело, надо было помогать родителям. Нарвать кроликам травы, полоть и поливать огород, напилить и наколоть дрова, пасти скот. Взрослые работали на фабрике, в редкие выходные возили излишки молока на продажу в Ленинград. Мама возила молоко знакомым артистам Пушкинского театра. Платили не только деньгами, давали и продукты, иногда и контрамарку на спектакль. Молоко хранили в колодцах. На городские рынки возили и овощи, и фрукты. Многие в то время держали кроликов, поросят, уток и курей. В сараях стояли коровы и козы. Всё это ушло в прошлое после указа Хрущёва о запрете держать в рабочих посёлках скотину. У клуба стоял небольшой ларёк, можно было купить печенье, ситро. А в начале Ленинградской улицы стояли дощатые столы, это был наш базар. Те жители, кто не мог ездить на городские рынки, продавали здесь излишки овощей, молоко. Неподалёку находилось рыжего цвета деревянное одноэтажное здание из неотесанных брёвен. Тут была пекарня и магазин.

Сколько улиц было? Да немного, маленький был посёлок Коммунар. Фабричная, Ленинградская, Бумажная да Садовая. Пионерская улица шла от столовой и упиралась в Гатчинскую. Транспортный, Технический и Клубный переулки. Вот, пожалуй, и весь посёлок. Больших домов было десятка полтора. Грязи особой не было. Улицы были отсыпаны шлаком, поэтому и лужи на дорогах не задерживались. Котельная работала на угле, материала для дорог хватало.

За порядком следил комендант дядя Коля Федорук. Его все уважали. Человек был культурный, вежливый, никогда голос не повысит. Участкового старшего лейтенанта НКВД Туркова мы хоть и побаивались, но тоже уважали. Справедливый был наш участковый.

В магазине у клуба торговала тётя Шура Нестерова. Конфеты, макароны, сахар насыпали в бумажные кульки. Надо подсолнечное масло, носи свою бутылку. Тут тебе и бакалея, тут тебе и овощи. Тут тебе и выпить, тут тебе и закусить. Самыми уважаемыми людьми на фабрике были машинисты бумагоделательных машин, сеточники. Фронтвики, жизнь повидавшие. Шляхота, Пайю, Киселёв и мой отец с ними, вырезали из журнала образцы

только что вышедших новых денег, прогнали их на работе через каландр и заявили после смены в этот магазин. Ну, и заплатили «новыми деньгами» за водку. Дело не завели, всё-таки люди войну прошли. Заплатили за водку, на этом история и закончилась.

А вот здесь, на углу Транспортного переулка и Фабричной, ближе к магазину, стоял ларёк. Торговал там «моё почтение», Женька Мищенко. Всех встречал словами: «Будьте здоровы, моё почтение». Ему отец купил самый первый в посёлке мотоцикл. Вот к нему и заходили после бани мужики. Пивко, водочка.

1947 год, мы ещё жили в Покровке, а в баню с отцом ходили в Коммунар. И тоже после баньки мимо не проходили. Отец заказывал 150 водки и пиво. Мне сидро. Идём дальше, через дорогу ещё один ларёк. Все друг друга знают, как не поговорить, новостями не поделиться. Этаким мужской, с одним общим интересом, клуб. Ещё 150 водки себе, мне уже лимонад. Идём дальше, а почти на повороте на Покровку ещё ларёк. Мне там уже ничего не покупали», — смеётся Николай Иванович и продолжает свой рассказ о Коммунаре тех лет.

«А через дорогу от ларька, на берегу Ижоры, в доме бывшего управляющего фабрикой Грабовского, находился поселковый детский сектор. На крыше стоял динамик, и как только начинался футбол, все рассаживались рядком. Ларёк через дорогу, «будьте любезны» на месте. Как только забьют гол, мужской ор слышал весь посёлок. А когда в секторе появился первый телевизор, мы стояли в очереди, чтобы посмотреть передачу или кино.

Воду брали из реки. Году в 1954 построили водонапорную башню, и по всему посёлку поставили колонки. На Транспортном переулке стояли деревянные двухэтажные дома. Жили здесь Шляхота, их было три брата. Зайцевы, Медведев Борис. Знаменитый печник Василий Горбатов. Специалист и шутник. Начинает кладку печки: «Ставь хозяйка маленькую» Выводит печь на чердак, опять неси, бабка, маленькую. Выводит трубу на крышу, ещё просит маленькую. Бабка в отказ! Мол, Васенька, не дай Бог, упадёшь. Как же я без печки. «Не дашь, ну и чёрт с тобой». Спускается с крыши, а труба и падает. Конечно, несла бабуля Васе и маленькую, и закуску. Не обижались люди на печника. Дома от старости рушились, а Васины печи стояли, как новые.

Не мог не задать Николаю Ивановичу вопрос, ответ на который уже давно ищу, но внятного ответа так и не получил. Рядом с домом Грабовского ещё в середине 70-х стоял деревянный барак. Мы жили в то время на Гатчинской улице, дом поставили на ремонт, а нас с маленьким ребёнком переселили на время ремонта вот в этот барак. Печка, туалет на улице. Зато аж две комнаты,

и без соседей. Меня давно интересовал вопрос, а что в этом здании было раньше. «В 1964 г. здесь была детская консультация. Хорошо запомнил потому, что мы сюда дочку носили», — помог мне найти ответ Николай Иванович. «И на Транспортном за домами тоже стояли сараи. Там в плохую погоду мы и проводили время. Заночевать могли у любого из нашей компании. Нас всех обязательно накормят. Уложат спать. И родители за нас не тряслись», — улыбается мой собеседник.

Беседовал Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 40 (889) 13 декабря 2019 г.

Воспоминания Николая Ивановича Круглова о поселке Коммунар

За разговорами мы и не заметили, как подошли к плотине на Ижоре. Николай Иванович замолчал, задумчиво глядя на пруд. Я не торопил, не задавал вопросов понимая, что он мысленно сейчас там, в посёлке Коммунар.

«Году в шестидесятом пруд хотели прочистить. Пригнали драгу. Мой родственник как раз и работал на ней. Попробовали чистить, не получается. Спустили воду из пруда, и выяснилось, что чаша пруда выложена камнями. Рядом с чашей была отмель. Мы дурачились, купаясь в пруду, и переворачивали лодки с девочками. Вот они и выбирались в мокрых платьях на эту отмель.

Плотины было две. Вторая была почти рядом с цехом, увидеть который теперь можно только на фотографиях. Вот между двух потоков воды и получился небольшой островок. Летом мы здесь загорали. А зимой там у нас была ледяная горка. И взрослые частенько по пути на работу вспоминали детство и тоже скатывались вниз к реке. Сколько здесь детвора переломало рук и ног!

Тут же у плотины руками таскали миног. Форель шла снизу в пруд икру метать. Не знаю, как рыба проходила плотины, но в пруду была. А ведь рыба эта живёт только в чистой воде. Кстати, раньше рыбу из Ижоры поставляли к царскому столу. В 1950-х ловили в Ижоре хариуса, форель. Налим водился, щука, плотва, миноги, пескарь. Вьюнов корзинами таскали. Отец приятеля, дядя Толя, поросят миногами откармливал. Сало было толстое. А мы пескарей ловили вилкой, привязанной к палке. Такая острога у нас была. Дядя Коля Смирнов, одноногий инвалид войны, жил на Клубном переулке. Он делал мережи, забрасывал с вечера в воду. У Витьки Степанова была лодка, вот мы и «делили» улов с дядей Колей. Но не нагтели.

Витька был первый парень, с которым я сдружился, переехав жить на Садовую улицу. А познакомились мы ещё в 1948 г., во время мальчишеской драки. В посёлке на меня налетели местные ребята, им понравился мой морской ремень. Вот Виктору я и заехал тяжёлой бляхой этого ремня в лоб. Напали на меня ватагой, пришлось выпрыгивать в окно и убегать. Отец Виктора работал начальником пожарной охраны, а мой там же шофёром. Вот и мы и сдружились. Делали «поджиги», была у нас ракетница, переделанная под патроны 16 калибра. Дробь делали сами, катая свинец между двух сковородок. Порох таскали потихоньку у его отца.

Компаниями ходили за ягодами в лес за Красную будку. Добирались и до Чёрной речки, а это целых пять километров от посёлка. Бывало, что и блуждали, попадали и в болото. Тогда ждали, когда загудит гудок фабричный, или забирались на дерево. Плавали по реке и озеру на лодке, которая принадлежала пожарной команде. «Норд-Ост, плывём под горбатый мост», и «Вест-Ост, под сельповский мост». Мы выросли, но дружбу не теряли.

Фабричный забор был деревянным, ворота тоже. Неподалёку от ворот фабричных стояло здание пожарной части. На первом этаже был гараж для пожарной машины. А за пожаркой стоял настоящий самолёт. Это уже было начало 1950-х. Мы там всё облазили, как туда попал самолёт, не знаю. А вот эту плотину, сейчас здесь дорога к гаражам, мы называли третьей. 9 мая все пацаны обязательно должны были прыгнуть с неё вниз головой. Поток воды нырнувшего выносило к берегу. Берега были голые.

А вот здесь, сразу за третьей плотинной, стояла коммунаровская баня. Открыли прачечную, и женщины стирали уже здесь. Правда, была и здесь очередь. А мужики встречали своих женщин и через узкий мостик несли корзины с мокрым бельём домой. Во дворах были натянуты верёвки вот на них и сушили бельё. Зимой

бельё замерзло и, к примеру, штаны несли домой уже на плече. А какой морозной свежестью пахло это бельё!

За баней стоял рубленый дом, в два этажа. Помню, жил там Юрка Киселёв с братом. А чуть дальше была конюшня. Командовал там Бовин. За конюшней, через заросли травы и кустов, проходило старое русло реки. Это была наша, ребячья республика. Старое русло было разбито перемычками суши на озёрца, рядом находилась и поселковая свалка, остров сокровищ. А ещё дальше мы пасли коз и коров. Был и небольшой лесок. Свалку со временем ликвидировали и здесь стали давать жителям участки под огороды», — вспоминает Николай Иванович.

Мы прошли чуть дальше в сторону КАС-1, остановились у старой пожарной части фабрики и Николай Иванович продолжил: «Вот почему пожарку построили именно здесь? Удобно было машину водой заправлять. Здесь у пожарников было что-то вроде причала. Водная гладь была чистой, никакой травы и тины не было. Ведь что произошло с чистой рекой? Когда поняли, что пруд не почистить, драгу перегнали сюда, и решили чистить русло реки вверх по течению. Вот после этого и стала расти безудержно в реке трава да тина. И уже никто не поверит, что на стадионе дно шло уступами, и была такая глубина, что не все могли достать брошенную монетку. Что с горбатого моста вниз головой ныряли.

Году в 1956, мы уже жили на улице Садовой, прибегает ко мне Кузнецов Василий Иванович. Он командовал на стадионе, и жил с семьёй там же в маленьком домике. Пойдём со мной, говорит, не пойму, что на реке происходит. Прибежали. Вижу, над рекой стоит какой-то рыжий смог, и рыбу дохлую течением несёт. Уже потом выяснилось, что рыбу и реку погубили свиноводческие фермы, построенные ещё при Хрущёве выше по реке. Навоз копили-копили, и оказался он в реке. А ведь раньше в деревне Местелево даже колодцев не было. Из реки воду брали. У моста Кабраловского местные пацаны раков ловили. В Славянке тоже полно раков было. И рыба водилась. Была перемычка, которая позволяла воду из Ижоры через Славянку перебрасывать для подпитки Павловских прудов. Значит и туда попало дерьмо из свиноферм?», — Николай Иванович молчал долго. Да, его боль можно понять. Помнить чистую, полноводную реку Ижору и сравнивать с тем, во что она превратилась сегодня, это ох как не просто.

«Николай Иванович, давайте вернёмся к памятнику. Ваш дядя, родной брат Вашей мамы, Точинов Виктор Иванович. Почему его фамилии нет на памятнике?», — прервал я тишину. Мы стоим у памятника, и я слушаю Николая Ивановича. — «Точинов Виктор тоже работал до войны в пожарной части фабрики «Коммунар». Погиб Виктор под Кёнигсбергом. Родился он или в 1910, или в 1911 году. После прорыва блокады, он заезжал в Покровку, об этом

рассказывали соседи. Искал родных, но нас там уже не было. Мы были в лагере. А вот о судьбе Николая Ивановича Точинова мы смогли узнать больше. Нашли документы, среди которых был и приговор о смертной казни командира корпуса Точинова Николая Ивановича, как врага народа. Под приговором стоят подписи Сталина, Ворошилова и Кагановича. Посылали запросы, получали разные ответы. В одном из них говорится, что Николай Иванович не был расстрелян, а умер от инфаркта в 1956 году. А его сослуживцы рассказывали, что во время допроса он разбил тяжёлый чернильный прибор о голову следователя, назвавшего его врагом народа. Был он здоровый, под два метра ростом. Костоломы избили его страшно. Так он и сгинул в подвалах ЧК, а меня называли в его честь, Николаем. А фамилию Виктора Ивановича Точинова хотелось бы увидеть рядом с фамилиями других коммунаровцев на памятнике. Ведь они все жили рядом, работали на одной фабрике. Головы сложили в разное время и в разных местах, но ради одного общего дела. Ради свободы своей земли, ради жизни своих и чужих детей. В этом году понесём в рядах Бессмертного полка и его фотографию», — Николай Иванович вопросительно посмотрел на меня.

Рассказал Николай Иванович и о том, что раньше на месте памятника был уютный сквер с бюстом Сталина в центре. Вокруг стояли скамейки, это было место встреч влюблённых. Потом Сталина убрали, поставили большую вазу. И только в 1975 г. здесь появился памятник.

Идём на стадион через Васину деревню. «Домов в 1950-х годах здесь уже не было, росли яблони. Был ещё виден фундамент старой больницы. А на стадионе ведь раньше местелевские жители картошку сажали. А потом решили построить стадион. Строили всем миром. Разумеется, основная нагрузка легла на фабрику. Прокопали поперёк стадиона в сторону реки траншеи глубиной полметра и засыпали их шлаком. Ведь раньше здесь было влажное место. Колодца не было. Воткнули вокруг тополиные палки, а вымахали такие гиганты. Вокруг поля стояли скамейки. Сделали городошную площадку. Прыжки в длину и высоту. Баскетбольная площадка. Турник, похоже, с тех пор и стоит. Проводились первенства района у нас по футболу. Народу вокруг поля собиралось много. Если выигрывала чужая команда, к их машине привязывали веник. Нечего больше к нам ездить!

У лодочного причала стояла статуя, если не изменяет память, девушки с веслом. А неподалёку была трёхметровая вышка для прыжков в воду. У самого входа на стадион, ворота тогда были деревянные, на постаменте стоял футболист. Кстати, этот постамент и сейчас лежит неподалёку. Это какая-то ребристая деталь из оборудования для производства бумаги. А вот там, в конце большого круга, на

противоположном берегу и начиналось старое русло реки. Это сейчас там огороды, раньше там были заросли кустарника. Вбили в дно сваи, и старицу перекрыли».

Мы вышли со стадиона и остановились у перехода через улицу Леншоссе, Николай Иванович снова ненадолго о чём-то задумался, вглядываясь в здания на противоположной стороне дороги. «А вот там и стоял мой дом. Мы первыми построились здесь, переехали из Покровки в октябре 1951 года. Потом и соседи появились. Отец посадил большой сад, и стала новая улица называться Садовой.

Учился я в четвёртой школе, по весне, бывало, и домой не могли пройти. Вода из Ижоры всё затапливала. Вот в эту канаву, у детской площадки, мы из пруда заплывали на лодках. Только это теперь сточная канава, в 50-х годах это была заводь. Проплывали под мостом, он был широкий, через него коров гоняли на выпас, и сюда. Рыбу тут ловили! Вот и разливалась эта заводь весной так, что и не знали, как на свою Садовую улицу попасть.

Кстати, и дороги к новой бане и поликлинике тогда не было. Улица Леншоссе уходила на Местелево и дальше, на Гатчину. Вот там, где-то в районе ЗАГСа, стоял дом Легковой, врача нашего. Растила двоих детей, муж погиб на фронте. На повороте дороги был дом сеточника Пайю. Одна из его дочерей вышла замуж за Сашу Царюк. Вот таких коттеджей на Садовой улице построили четыре. Жили в них и начальство фабричное, и рабочие. На другой стороне дороги стоял длинный деревянный дом. Это был наш мебельный магазин. У мостика на берегу пруда ещё с войны остались стоять противотанковые надолбы. Да и ров противотанковый ещё долго не засыпали. Мы купали там скотину, а на склонах строили погреба.

А неподалёку от нынешней Администрации находилось здание сельпо, сельской потребкооперации. Склады, магазин. Во дворе принимали металлолом. А какой тогда был металлолом? Военная техника и оружие. Вот этого добра хватало. Ещё когда жили в Покровке, в войнушку играли с настоящим оружием. В Гамболово, вокруг Гумолосар было полно брошенного немцами оружия и техники.

Уже став постарше, ходили к финнам за яблоками в соседние деревни Вяхтелево, Антелево. Я, Серёга Шаманов, наши друзья. Ребята помладше увязывались за нами. Зайдём во двор, хозяин начинает ругаться, а мы очередь из автомата в воздух. Хозяин в дом, делайте что хотите. Заляжем в канаву, гранату в сад. Отправляем малышей. «Пробуйте яблоки» Кислые? Пошли дальше. Уличные дети, безотцовщина. Ни гопники, не преступники. Дети своего времени. Играли в карты, покуривали «Казбек», были вечно голодными. За Местелево в реке

плавали домашние утки. Поднырнём, за лапы и в воду. Шею свернём и на островок у старого русла. Костёрок развели, дичь в золе запекли, вот тебе и обед.

Кто-то из нашего поколения и по тюрьмам пошёл, многие за ум взялись, профессию получили. Взрослые загибали стволы у винтовок и автоматов, а мы ствол обрежем, вот тебе и обрез. Последний автомат и диски у меня отец забрал в 1958 году. Вышел указ о обязательной сдаче населением оружия. Не сдашь — в тюрьму. Отец, оказывается, знал все мои схроны и велел нести всё. «Я за тебя в тюрьму не пойду».

Однажды возвращаемся с Витькой Степановым от красной будки, ничего в лесу не нашли из оружия. Видим, трактор поле пашет, а плуг выворачивает из земли труп немецкого солдата, и карабин при нём. Мы бегом туда, а тракторист тоже всё увидел. Карабин он и забрал.

Баржа долго стояла у сельповского моста, ржавела. Вот однажды, опять с Витькой на пару, увидали, как отвалился ржавый кусок от борта, а там браунинг лежит целенький. Только схватили, а тут опять взрослые. А ну, давай сюда!

Поступил я в училище железнодорожное, домой ехали на «подкидыше» до Красной будки, и на ходу спрыгивали. Не было у нас лишних трёх копеек, чтобы от Антропшино доехать на мотовозе. Гибли ребята под вагонами. Захватит шинель и под колёса».

День выдался слякотный и ветреный, немного замёрзли оба. Решили вернуться. Николай Иванович передал мне толстую тетрадь, где он записал свои воспоминания. Подарил мне свою книгу и карту посёлка пятидесятых годов, составленную им по памяти. Спасибо огромное за то, что Вы делаете для сохранения в памяти нынешних жителей Коммунара истории их дома.

Беседовал Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 42 (891) 30 декабря 2019 г.